

Мэн Ци застыл на месте. Неужели он так явно выдал свои чувства? Раньше лекарь ничего не замечал, а теперь, узнав о его мыслях, стал ли он для него открытой книгой?

— Даос Нин не любит мужчин, — добавил Мо Ли.

— Откуда ты это знаешь? — сухо спросил Мэн Ци, чувствуя, как в его душе смешались противоречивые эмоции. Если лекарь сам заговорил об этом, значит, он относится к нему особенно?

Лекарь Мо задумался и ответил:

— Когда он впервые вошёл, увидев нас, он был явно шокирован. Он несколько раз пытался меня уговорить, вероятно, из-за моего учителя. Похоже, он не одобряет наши отношения.

Мэн Ци нахмурился и недовольно произнёс:

— Во-первых, между нами ничего ещё не решено, а во-вторых, какое ему до этого дело?

— Именно потому, что это его не касается, он в итоге промолчал, — кивнул Мо Ли. — Разве даос Нин не интересный человек?

— Это ты называешь интересным? — лицо Мэн Ци стало ещё мрачнее.

Он видел много действительно интересных людей, и Нин Чаньюань к ним явно не относился.

В лучшем случае это был просто молодой человек с большими идеалами.

При мысли о слове «молодой человек» Мэн Ци снова погрузился в уныние. Он уже стар и всё ещё думает о том, чтобы кого-то убить. Где уж ему сравниться с Нин Чаньюанем? Тот происходил из знатной семьи, его спас сам Цинь Лу, и, возможно, его учитель был знаком с Цинь Лу. А что было у него самого?

Только одно — он был одного рода с лекарем.

Но идея о родстве была слишком загадочной.

Мо Ли тоже думал о родстве.

Ранее, когда он упомянул о родстве, Мэн Ци посчитал, что это всего лишь отговорка, обман.

Мэн Ци даже не знал, кто он такой на самом деле, как он мог это понять? Как он мог разобраться, вызвано ли его влечение одиночеством и желанием найти сородича или это настоящие чувства?

— Брат Мэн, ты больше любишь женщин или мужчин?

Услышав это, Мэн Ци удивился. По логике лекарь не должен был задавать такой вопрос. Лекарь был мужчиной, следовательно, он должен был предпочитать мужчин. Разве он мог изменить свои предпочтения из-за лекаря?

По выражению лица Мо Ли Мэн Ци понял, что тот действительно так думал.

«...»

Откуда такая уверенность?

Мэн Ци, с одной стороны, был в недоумении, а с другой — вдруг осознал, что эта уверенность очень похожа на его собственную!

— Я — государственный наставник Мэн Ци, и если я сойду с ума, весь мир погрузится в хаос!

Мэн Ци твёрдо верил в это, даже думал, что династия Ци может пасть и жители Тайцзина понесут огромные потери, поэтому он должен лечиться и не сходить с ума.

— ... Моя память неполна, похоже, у меня не было подобного опыта. Вдруг, я имею в виду, вдруг я больше люблю женщин? — осторожно спросил Мэн Ци.

Мо Ли подумал и ответил:

— Тогда я попробую превратиться в женщину. Чтобы всё понять, нужно попробовать.

Мэн Ци: «...»

Что? О чём ты говоришь?

Это вообще возможно?

Мэн Ци с изумлением смотрел на лекаря Мо, едва сдерживаясь, чтобы не потрогать его грудь. Нет, грудь ничего не доказывает, нужно потрогать низ живота. К счастью, он сдержался.

— Мы... наш род может по желанию превращаться в мужчин и женщин? — слабым голосом спросил Мэн Ци, его лицо выглядело так, будто он находился в состоянии сна наяву.

— Не знаю, может быть? — не оборачиваясь, ответил Мо Ли.

Он перебрал травы, которые принёс Нин Чанъюань, и взял только их и карту.

— Ингредиенты для пилюли успокоения духа собраны. Раньше я не говорил тебе много, чтобы не усугубить твоё состояние, — сказал Мо Ли, отобрав травы и положив их в бамбуковую корзину, чтобы приготовить лекарство у печи.

— Нет, кажется, у меня начались галлюцинации. Лекарь, ты должен проверить мой пульс, — слабым голосом сказал Мэн Ци.

Печь всегда была готова, и с помощью внутренней силы лекарство приготовилось очень быстро.

Мэн Ци находился в состоянии оцепенения неизвестно сколько времени, когда вдруг увидел, как ему подносят чашу с чёрным отваром.

— Это не...

— Я не сделал пилюлю, но эффект будет похожим.

Мэн Ци с противоречивыми чувствами выпил лекарство, и его голова, которая до этого болела, стала легче. В комнате уже зажгли свет, лекарь Мо сидел у кровати, его лицо явно было мужским, и на шее был кадык.

— Уф... Лекарь, мне было очень плохо, у меня были галлюцинации, я слышал, как ты говоришь о превращении в женщину.

— Это не галлюцинации, я просто не смог превратиться, — вовремя подхватил чашу Мо Ли.

Пальцы Мэн Ци оцепенели, и он чуть не уронил чашу.

— Возможно, это связано с первым превращением, в будущем это уже не повторится.

— Превращение? — с трудом произнёс Мэн Ци. Значит, он действительно был демоном-оборотнем?

Мо Ли прикрыл глаза Мэн Ци рукой, его голос был низким и мягким, как лёгкий ветерок или

журчащий ручей:

— Сколько бы я ни говорил, это не сравнится с тем, что ты сам откроешь правду. Успокойся и подумай о своём истинном облике.

Мэн Ци почувствовал, что его разум должен быть в полном хаосе, но вместо этого он был предельно ясен. Он вспомнил дерево на горе Сылан, то дерево, которое могло увеличиваться и уменьшаться и, как говорили, было духом горы; вспомнил, как лекарь спрашивал, задумывался ли он о том, что демоны-оборотни не стареют; вспомнил, как лекарь спрашивал, видел ли он странные сны, в которых свободно плавал в горах или воде; вспомнил духовное снадобье, которое он выращивал в горах, и...

Рука Мо Ли дрогнула, и Мэн Ци исчез, на кровати осталась только куча одежды.

Он аккуратно раздвинул одежду и увидел знакомую толстую песчанку.

Её круглое тело застыло, мягкая белая шерсть, казалось, светилась, а чёрные, как бусинки, глаза выражали шок.

Лекарь Мо поднял песчанку и задумался: можно ли считать, что он отомстил Золотому Дракону за то, что тот его дразнил?

В самом начале Мэн Ци не осознавал своих изменений.

Лекарь закрыл ему глаза, и он почувствовал лёгкое головокружение. Перед глазами всё ещё было темно, что-то накрыло его сверху, как будто он спал в палатке.

Откуда взялась палатка? Что только что произошло?

Нин Чаньюань только что ушёл, он, кажется, разговаривал с лекарем. Мэн Ци пытался вспомнить, когда вдруг «палатка» над его головой исчезла, как будто её унёс орёл или ураган, в общем, она просто испарилась.

Свет свечи был тусклым, в комнате царил полумрак.

Мэн Ци поднял глаза и увидел знакомое лицо.

«...»

Оно было знакомым, но почему таким большим?

Говорят, что в тумане цветы и при свете свечи лица выглядят наиболее загадочно.

— Какая загадочность? Лекарь вдруг стал таким большим, как это можно не заметить?

Его вдруг подняла рука, и он едва устоял на ногах.

Его круглый животик прижался к тёплой ладони, и вся песчанка была в шоке.

В комнате не было зеркала, в этом бедном поселении из десяти домов лишь в одном могло быть зеркало, да и то мутное. Чтобы Мэн Ци быстрее понял правду, Мо Ли подошёл к столу со свечой и указал на стену, где отбрасывалась тень.

«...»

Тень была чёткой, и то, что он держал в руках, было очевидным.

Маленькие, слегка приподнятые уши, тело, похожее на булочку, тонкие усы, которые слегка дрожали.

Эта сцена казалась абсурдным сном. Мэн Ци с ужасом подумал, что он не человек, а демон-оборотень!

Он посмотрел на свои маленькие лапки, тонкий хвост и круглое тело...

— Если уж быть демоном-оборотнем, то почему не тигром или орлом? Почему я толстая песчанка?

Неужели он не чувствовал голода, потому что его тело было таким маленьким?!

Чёртова Чуская магия! Это просто горные духи, которые могут общаться с духами гор!

Настроение Мэн Ци было ужасным, обычно в такие моменты его охватывала ярость, и он терял сознание, но сейчас он был предельно ясным, и потерять сознание было невозможно.

Песчанка, которая считала, что выглядит серьёзной и хмурой, на самом деле была просто ошеломлённой и выглядела очень забавно.

Мо Ли не стал над ней смеяться.

Это был его сородич, и когда он встретил песчанку на горе Цимао, он подумал, что она, как и

белая лисица, была духовным существом, поэтому и начал с ней играть.

Мо Ли снова набрал воды в таз и осторожно поднёс песчанку к воде, чтобы она увидела своё отражение.

И тогда песчанка упала на спину.

Мо Ли: «...»

Хорошо, что она не упала в таз.

<http://bllate.org/book/15299/1351843>